

Журнал и сценарий
1991-20 сценарий
[...39] - С. 5

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

20

Загадочное обаяние

В О ДНИ тревоги нашей неожиданном диссонансом прозвучал с экрана телевизора голос, полный доброты и сострадания. Голос этот принадлежал молодой актрисе Людмиле Лисюковой. Дотеле Москве незнакомой. Она поведала нам историю любви Анны Григорьевны Достоевской к ее великому мужу.

Случилось так, что лет десять назад мне довелось увидеть первое исполнение композиции «Никто другой не дал бы мне столько счастья», сочиненной на свой страх и риск по письмам Достоевской начинающими актерами Людмилой Лисюковой и ее мужем Николаем Коншиным, который был режиссером общей работы. Они служили тогда во Пскове. Тесная комната псковского ВТО вместила немного зрителей, свет потух, и со свечой в руках появилась причесанная на строгий прямой пробор невысокая девушка в платье до полу и светлой шали, накинутой на плечи. Она поставила свечу на круглый стол и, держась за стул, волнуясь, стала рассказывать, вернее, исповедоваться перед нами в том, как впервые стенографисткой вошла в кабинет Достоевского, как постепенно сделалась его другом, как потом стала его женой, матерью его детей, его опорой и советчиком и как проводила в последний путь своего мужа. И тогда я почувствовала, что в этой исповеди кроется особое загадочное обаяние.

С тех пор утекло много воды. Незавидная судьба периферийных актеров бросала Лисюкову и Коншина по разным городам России, но где бы они ни жили, они показывали свою композицию, и везде актрисе отвеча-

ло сопереживание зала. Но особую роль сыграла встреча с международным симпозиумом по Достоевскому, проходившим в Старой Руссе. Здесь-то Людмилу Лисюкову и заметили чужие люди с телевидения, сразу решив снять телефильм.

Разумеется, благодаря возможностям ТВ звучание композиции изменилось: режиссер Галина Самойлова работает с помощью музыки, света, наплывов Старой Руссы, вводит закадровый голос, читающий отрывки из писем и дневников Достоевского, как бы откликающийся на то, что поведала нам Анна Григорьевна. Но главное в фильме сохранено, более того — подано крупным планом: душа этой женщины, мелодия ее слов, сказанных без тени фальши, ее глаза, полные любви и страха, ее покорное и стойкое сознание своего долга.

Что же говорит нам сегодня эта женщина? Она дарит нам образ другого Достоевского. Не того, кто ужасался злу мира, но человека, всеми силами своей души стремящегося этот мир от многоликого зла излечить. Да, он заставлял людей испытать горькие лекарства правды, но только затем, что видел и предвидел тяжкие болезни, которые поразили и еще будут поражать человечество. Анна Григорьевна преклонилась перед художником, одержимым желанием вернуть миру гармонию, освободить человека силою Добра и Веры. И только его добрые, мучительно страдающие глаза она видела перед собой, только голос, истинно верующий, слышала каждый день.

В этом, очевидно, и таится разгад-

ка особого манящего обаяния, которым овеван образ, сотворенный актрисой. Лисюкова играет человека, чудом сохранившего до наших дней умение «терпеть и верить». Натура, от природы склонная к самопожертвованию и тихому участию, вниманию к чужой беде, готовности тут же помочь, — такая подвижница необходима была Достоевскому.

Анна Григорьевна сердцем чувствовала, что Федор Михайлович болен не просто «падучей», а тем, что пророческая душа его уязвлена нашествием бесовщины и нет у него сил ее остановить. Сколько хватало духу, он взывал, кричал человеку: стой, ты на краю пропасти, «не убий!», но люди не слышали, они уже летели в пропасть смертоубийства, которая разверзлась на весь двадцатый век.

Вот этого другого, «домашнего» Достоевского, который (она-то знала) каждого своего героя, даже совсем пропащего, не винил, а жалел и спасал от его же собственных чудовищных заблуждений, и дарила нам его жена. Актриса открыла для себя и поведала нам простую, но поразительную истину: Анна Григорьевна любила в своем муже «положительно прекрасного» героя — князя Мышкина. И для нее духовный мир Мышкина-Достоевского был непостижимо прекрасен и высок. Как могла, она спасала, берегла его все последние годы жизни. Но ни спасти, ни уберечь не смогла.

Последний трагический аккорд — приход Смерти — актриса играет по-христиански сдержанно. Как может

она противостоять силе Нездешной? Только достойно, без надрыда предать мужа земле и всю оставшуюся жизнь благодарно помнить, что «никто другой не дал бы мне столько счастья»...

Так состоялся телевизионный дебют замечательной актрисы Людмилы Лисюковой. Ее редкую индивидуальность, ее проникновенный голос, ее добрейший взор услышала и увидела не только Москва, но все те, кто провел вечер у «голубого экрана».

Марианна СТРОЕВА.

● Л. Лисюкова в роли А. Г. Достоевской.

Фото А. Низовцева.

Лисюкова Л.

06.09.91